

ISSN 0131-8222

2

1987

евер

Эйно КАРХУ

Эйно Генрихович КАРХУ родился в 1923 году в Ленинградской области. Доктор филологических наук. Автор девяти книг и многочисленных статей по истории финской литературы, финско-русским литературным связям, литературе Советской Карелии. Член Союза писателей СССР. Лауреат Государственной премии КАССР. Живет и работает в Петрозаводске.

ПУШКИН В ФИНЛЯНДИИ

В ЭПОХУ Пушкина Финляндия входила в состав России, что по-своему отразилось в знаменитых строках поэта:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и нынедикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Что огромная Россия, простершаяся «от финских хладных скал до пламенной Колхиды, от потрясенного Кремля до стен недвижного Китая», представляет собой многонациональное государство с мозаикой самых разных племен и народов, этот факт впервые стал обостренно осознаваться в русской литературе представителями романтического направления. В 1823 году Орест Сомов, один из теоретиков русского романтизма, восклицал: «Столько различных народов слилось под одно название русских или зависят от России, не отделяясь ни пространством земель чужих, ни морями далекими! Столько разных обликов, нравов и обычаев представляется испытующему взору в одном объеме России совокупной!» Критик призвал писателей «окинуть взором края России, обитаемые пылками поляками и литовцами, народами финского и скандинавского происхождения, обитателями средней Колхиды, остатками некогда грозных России татар, многообразными племенами Сибири и островов, кочующими поколениями монгольцев, буйными жителями Кавказа, северными лапландцами и самоедами».

Не случайно именно в 1820—1830-е годы в русской литературе появился ряд произведений, в которых культивировались темы, связанные с жизнью нерусских национальностей России. Сюда относятся, в частности, и «карельские поэмы» Ф. Глинки, и «Песня лопаря» В. Кюхельбекера, и поэма «Эда» Е. Баратынского, именовавшего себя «финляндским отшельником». Баратынский прослужил шесть лет в Нейшлотском полку

в Финляндии, откуда и возникли финские мотивы в его творчестве. По поводу «Эды» Пушкин писал Баратынскому:

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зюл прямою чухонец.

Как известно, и сам Пушкин романтического периода не избежал увлечения финскими мотивами, свидетельством чего явились образы кудесника Финна и гордой Нанны в поэме «Руслан и Людмила».

С романтических пушкинских поэм началось и знакомство финнов с его творчеством. Первое знакомство состоялось в 1820-е годы и было связано с течением так называемого «туркуского романтизма» в финской литературе (Турку долгое время был столицей с единственным в стране университетом).

В 1825 году в Турку вышел шведский перевод пушкинской поэмы «Кавказский пленник». Перевел поэму Ф. Платен, в литературном отношении личность малоизвестная, но знаток языков, в том числе русского. Некогда он был офицером шведской армии, участником последней русско-шведской войны 1808—1809 годов. После капитуляции гарнизона Свеаборгской крепости Платен был пленен и отправлен в глубь России, в Великий Устюг Вологодской губернии, где и начался его занятия русским языком. После освобождения из плена Платен прожил некоторое время в Швеции, но в 1814 году приехал в Петербург и поступил на гражданскую службу, сначала в особо учрежденный финляндский комитет, затем в министерство иностранных дел. Платен сочинял политические трактаты, писал стихи по-шведски и по-французски, переводил с нескольких языков. В начале 1820-х годов он вышел в отставку, поселился в Финляндии, где и издал свой перевод «Кавказского пленника».

Переводу пушкинской поэмы Платен пред-

послал стихотворное посвящение автору. Он сравнивал Пушкина с ведущим шведским поэтом Тегнером — по словам Платена, это были две ярчайшие звезды по обе стороны Балтики и Финляндии. В примечаниях к поэме содержались краткие биографические сведения о Пушкине. Впоследствии у Платена возникла мысль переработать и переиздать перевод, тем более, что значительная часть тиража первого издания погибла при пожаре Турку в 1827 году. Однако переработанный перевод Платена был опубликован гораздо позднее, в 1882 году, в журнале «Финск тидскрифт».

С историко-литературной точки зрения платеновский перевод следует оценить как одно из ранних проявлений пробудившегося в Финляндии интереса к европейской романтической поэзии. Сам Платен переводил также Мандзони и Ламартина, тогда же в Финляндии начали переводить Байрона, Мура, Шатобриана. В этом ряду известных имен Пушкин был воспринят как наиболее выдающийся представитель русского романтизма. Рецензируя платеновский перевод «Кавказского пленника», финляндская газета «Або тиднингар» подчеркнула главенствующее положение Пушкина в русской поэзии.

Вплоть до 1870-х годов в Финляндии переводили зарубежных авторов лишь на шведский язык, ибо литературный финский язык тогда еще оставался недостаточно развитым. Поскольку знатоков русского языка в Финляндии было недостаточно, приходилось прибегать к языкам-посредникам. Еще со времен Х. Г. Портана, просветителя второй половины XVIII века, интеллигентные читатели в Финляндии нередко знакомились с русской литературой через немецкие и французские переводы, с которых позднее стали переводить и на шведский язык. Например, когда в 1836 году в туркуской газете появился рассказ А. Бестужева-Марлинского «Красное покрывало», то особо оговаривалось, что шведский перевод был сделан с французского. Подобное уже тогда представлялось не вполне нормальным и поэтому нуждающимся в объяснении. Оно гласило: «Редактору давно хотелось напечатать в своей газете хоть что-нибудь из новейшей русской литературы, но так как русским языком сам он не владеет, пришлось прибегнуть к переводу с перевода. В результате произведение неизбежно утрачивает в своей оригинальности, и тех, кто читал рассказ по-русски, мы просим о снисхождении». К языкам-посредникам, кстати сказать, прибегали в ту пору и издатели в Швеции. Как сообщает исследователь А. Енсен, вышедший в 1840 году в Стокгольме сборник русских былин был переведен с немецкого издания.

В Финляндии со временем появились и переводчики с русского. Одним из них был О. Меурман, преподаватель русского языка в Хельсинки. Он перевел на шведский язык, в частности, «Капитанскую дочку» Пушкина (1841) и «Героя нашего времени» Лермонтова (1844). Позже появились переводы повестей Гоголя, Н. Кукольника, Н. Павлова, романа М. Загоскина «Рославлев», произведений некоторых других авторов. В газетах печатались отдельные стихотворения Жуковского, Дмитриева, Баратынского, Ростопчиной, Подолинского.

В подготовке переводчиков с русского и в

пропаганде русской литературы, включая творчество Пушкина, немало сделал Я. К. Грот, в течение двенадцати лет являвшийся профессором Хельсинкского университета. Еще летом 1837 года двадцатипятилетний Грот, занятый переводом «Саги о Фритиофе» Тегнера, предпринял путешествие по Финляндии в целях совершенствования познаний в шведском языке. В последующие годы он обычно проводил свой отдых в Финляндии, ездил по ее городам, знакомился с местными литераторами, все более углубляясь в изучение финляндской и скандинавской культуры. В конце 1839 года, как рассказывал сам Грот, он встретился у П. А. Плетнева с профессором русского языка и словесности Хельсинкского университета С. В. Соловьевым, который сообщил о своем намерении покинуть Финляндию. У Грота возникла мысль занять его место, и хотя Соловьев вскоре переменял свое мнение, Грот все же решил оставить прежнюю службу в канцелярии барона Корфа и при содействии Жуковского временно перешел на должность инспектора финляндских училищ по преподаванию русского языка. В июне 1840 года Грот выехал из Петербурга на постоянное жительство в Хельсинки. Вскоре по ходатайству П. А. Плетнева, тогда ректора Петербургского университета и редактора журнала «Современник», в Хельсинкском университете была учреждена кафедра ординарного профессора русского языка, словесности и истории. В апреле 1841 года кафедру занял Грот. За годы пребывания в Финляндии он стал близким другом Э. Лённрота, Ю. Л. Рунеберга, Фр. Сигнеуса и других финских писателей. В основанном Пушкиным журнале «Современник» Грот печатал статьи о Финляндии, а в финляндских газетах — статьи о русской литературе. Из числа своих студентов он готовил переводчиков русской литературы; одним из них был Ю. Лундал, который еще в начале 1840-х годов перевел отрывки из «Слова о полку Игореве». Во многом через Грота и при его содействии финны знакомились и с творчеством Пушкина.

Как уже отмечалось, первоначально финнов привлекал главным образом Пушкин-романтик, те стороны его поэзии, которые были созвучны с романтическими веяниями в литературе самой Финляндии, с повышенным интересом к фольклору, к народным преданиям, к фантастике.

Нечто подобное финны отыскивали и в поэзии Пушкина. В студенческих тетрадях Э. Лённрота, изучавшего русский язык, обнаружены переписанные на этом языке пушкинские стихотворения «Черная шаль» и «Утопленник». Фр. Сигнеус в 1836 году опубликовал свой перевод стихотворения Пушкина «Талисман». В том же году появился перевод стихотворения «Цыганы». Сигнеус и Рунеберг, каждый самостоятельно, перевели в 1841 году стихотворение «Ворон к ворону летит» (которое в свою очередь является свободной обработкой шотландской народной баллады). Грот сообщал в письме к Плетневу от 26 января 1841 года, что когда он передал вышеупомянутому Ю. Лундалю томик Пушкина («по его желанию — перевести несколько мелких стихотворений»), то выбор пал на стихотворения из цикла «Песни западных славян». В газете «Гель»

сингфорс Моргонблад» появились четыре стихотворения из этого цикла в переводе Лундала: «Видение короля», «Песнь о Георге Черном», «Сестра и братья», «Влах в Венеции».

В университете Грот читал студентам лекции о Пушкине и радовался в письмах, когда ему удавалось «сильно возбудить их внимание», увлечь пушкинскими стихами. С Лундалем Грот читал «Медного всадника» и все стихотворения, посвященные лицейским годовщинам, а о студенте Стренге писал: «Стренг удивляет меня своим усердием в изучении русского языка; учит наизусть Пушкина и Жуковского, переводит, читает даже славянскую хрестоматию».

В 1840-е годы в Финляндии стали проявлять больше интереса и к тем произведениям Пушкина, в которых осязательны реалистические тенденции. В 1847 году в газете «Гельсингфорс Моргонблад» был опубликован отрывок из «Бориса Годунова», а через два года в той же газете — «Скупой рыцарь». Пушкинские стихи привлекли внимание финляндского литератора и музыканта Акселя Ингелиуса. В рукописном фонде Грота (в архиве АН СССР в Ленинграде) сохранилась присланная ему нотная запись романса Ингелиуса на текст стихотворения Пушкина «Я вас любил».

Одной из первых попыток раскрыть в финской печати сложность творческого пути Пушкина, исключительное богатство и многосторонность его художественного наследия, не уступающего в рамках романтизма, явилась статья 1839 года в газете «Борго Тиднинг» (напечатанная без подписи). В статье анализировалось творчество зрелого Пушкина, освободившегося от юношеского «байронизма» и остро почувствовавшего потребность более тесной связи с русской историей, с жизнью русского общества. Одной из вершин пушкинской поэзии автор статьи считал «Бориса Годунова», одновременно выделяя и «Евгения Онегина», огромное значение этого произведения в истории русской литературы. О Пушкине в статье говорилось как о художнике, «который бесспорно принадлежит к величайшим поэтическим гениям нашего времени».

В упомянутой статье особо подчеркивалось стремление Пушкина к исторической достоверности и в этой связи говорилось о его специальных исторических разысканиях. Можно добавить, что эти разыскания имели отношения и к Финляндии. О ней не раз упоминается в подготовительных записях Пушкина к истории Петра Великого. Изучая материалы по Северной войне, поэт особо выделил в исторических документах те места, где отмечалось важное значение Финляндии как для Швеции, так и для России. Пушкин цитировал слова Петра из его письма к Апраксину: «Ежели мы дойдем до Абова (Турку), то шведы принуждены будут заключить мир, ибо из Финляндии единственно получают пропитание». Та же мысль выражена в другом предписании царя, которое привлекло внимание Пушкина: «Финляндия есть матка Швеции, откуда получают они не только скот и прочее, но и дрова». Петр, как записал Пушкин, запретил Апраксину «разорять Финляндию, ибо нам же придется разоренное исправлять».

С русской литературой, с творчеством Пушкина Грот стремился познакомить в особен-

ности Рунеберга, наиболее значительного финляндского поэта того времени. Еще в своей статье 1839 года в «Современнике» («Знакомство с Рунебергом») Грот обстоятельно представил его русскому читателю. Автор статьи не преминул отметить некоторый провинциализм финляндской жизни, что накладывало печать и на писателей, но вместе с тем Грот подчеркивал близость Рунеберга к народной жизни и природе, естественность и «несуетность» его поэзии. Эту же мысль Грот вложил в свое стихотворение «Приветствие финляндским литераторам», зачитанное на совместном дружеском обеде в Хельсинки во время двухсотлетнего юбилея финляндского университета в 1840 году.

О Рунеберг, беспечный друг природы!
Тебя нам сладко видеть пред собой:
Ты русских муз прекраснейшие годы
Напомнил нам и ликом и душой.
В твоих чертах есть что-то нам родное,
В твоей груди любовь и теплота;
С участием ты объемишь все земное,
Но в мысль твою не входит суета.

Уже при первой их встрече Рунеберг, по свидетельству Грота, проявил интерес к русской литературе. Он, писал Грот, «не знает русского языка, однако с большим любопытством расспрашивал меня о состоянии русской словесности и жалел, что лишен возможности познакомиться с лучшей публикой с лучшими произведениями наших поэтов. По его желанию, я обещал прислать ему подстрочный перевод некоторых пьес Пушкина и Дельвига».

В письме к Гроту Рунеберг вскоре благодарил его и за статью об их встрече, и за присланные письма и книги. «Жду выздоровления, — писал больной поэт, — чтобы показать, с каким интересом слежу за вашим стремлением познакомиться ваших соотечественников с литературой Швеции и Финляндии. Мне очень хотелось бы прислать вам заметки, какие удастся мне собрать о финских рунах, о Калевале и о том, как Лённрот общается с крестьянами, чтобы выманить у них песни». Два месяца спустя Рунеберг, по просьбе Грота, сообщил ему ряд автобиографических сведений, дал краткий очерк современного состояния шведской литературы, подробно рассказал о собирательской работе Лённрота, привел выдержки из его писем, на которые потом не раз ссылались исследователи «Калевалы».

В Финляндии был известен двухтомник произведений Пушкина в немецких переводах Липперта. Экземпляр двухтомника Грот подарил Рунебергу с шутовой надписью на шведском языке, русский вариант которой он затем сообщил в письме Плетневу. Это была надпись-шутка в форме стихотворного диалога между Пушкиным и пришедшим к нему вестником от Рунеберга. В царстве усопших Пушкин спрашивает вестника о земных событиях и слышит в ответ:

«Брат мой! — пришлец отвечает. —
Новость одну я принес. Среди финских
угрюмых утесов
Есть благородный поэт; его ты любил бы
от сердца,
Если б телесным слухом однажды
внял его песням.»

Нынче с лирой в руках устремил
орлиные взоры
Он на отчизну твою в блестящие
годы Фелицы.
О, как сладко поет он любовь
россиянки Надежды!
Сам, с земли возлетая,
вдали я слышал те звуки». Смолк. Тогда с нетерпением спросил
восторженный Пушкин:
«Можешь ли ты мне сказать:
знаком ли он с музой моею?»
«Имя твое он знает, — пришелец
ответствовал тихо. —
Но не музу: увы! Язык твой ему
непонятен!»
Снова начал Пушкин со вздохом и
вместе с улыбкой:
«Слышно, муза моя гулять пустилась
по свету
В платье немецком; устрою, чтоб
финнов певец благородный
В фижмах ее хоть увидел, когда уж
нельзя в сарафане!
Тотчас письмо напишу в Россию:
день нынче почтовый!»

Грот в шутку заключал, что «письмо» и впрямь было отправлено Плетневу, чтобы тот выслал Рунебергу экземпляр немецкоязычного двухтомника.

Завязавшаяся дружба Грота с Рунебергом чрезвычайно занимала Плетнева, о чем свидетельствуют его письма. И Плетнев и Грот видели в Рунеберге не только талантливого поэта, но и влиятельную в Финляндии фигуру, он мог существенно содействовать развитию русско-финских литературных связей. Плетнев просил Грота приложить все усилия, чтобы дать Рунебергу возможность шире познакомиться с русской литературой, культурой, историей. В письме к Гроту от 22 октября 1840 года Плетнев писал: «Как бы нам Рунеберга втянуть в наши интересы, т. е. чтобы он искал переводов или вас заставлял подготавливать для него что-нибудь о России или из русской литературы — и, таким образом, полюбив наше по сердечному убеждению, говорил бы потом иногда в своих пьесах о наших созданиях с чувством благоволения и решительной наклонности ставить все хорошее наше на ряду с европейским! Я верю, что он вас любит, а по вас, конечно, и меня; но надобно ему знать высокость Державина, неподражаемость Крылова, вкус и ум Карамзина, божественность Жуковского и художественную прелесть Пушкина».

Гроту и Плетневу действительно удалось в значительной степени заинтересовать Рунеберга русской литературой и историей. Наиболее впечатляющим свидетельством этого явилась его поэма «Надежда» (1841) на русский сюжет из эпохи Екатерины II. Следует подчеркнуть, что эта поэма занимает в творчестве Рунеберга особое место. Из всех его поэм в «Надежде» сфера семейных отношений впервые столь очевидным образом сопрягается с отношениями сословными и общественно-государственными. Любовь крепостной девушки Надежды и ее господина, княжеского сына, изображается на фоне народной нищеты и сословного неравенства, глухого ропота недовольства — не только среди крестьян, но и передовой части дворянства, оказавшейся под влиянием новых идей. В «Надежде» впервые

у Рунеберга появляется слово «бунт». Любовь дворянина к крепостной, которую он провозгласил равной себе, ставится в поэме в связь с теми настроениями в русском обществе, которые вели к политическим возмущениям.

Со своей поэмой Рунеберг познакомил Грота еще в рукописи, и у Грота появилось желание переложить ее содержание для русского читателя, воспользовавшись журналом «Современник». Однако в текст поэмы в переложении Грота (отчасти прозой, отчасти стихами) вмешалась цензура, некоторые места были смягчены, некоторые вовсе сокращены. Прочитав в «Современнике» этот «исправленный» перевод, Грот пришел в негодование и тотчас же написал Плетневу: «Бестолковость «Надежды» в теперешнем ее виде превзошла мои ожидания. Не только основная глубокая идея пропала, но и всякий вообще смысл, а следовательно и занимательность... Ты должен был или вовсе не помещать этой статьи, или, сказав от себя несколько слов о «Надежде», напечатать некоторые отдельные места, до которых не коснулось варварское оружие цензора. А что скажет потомок, который, зная шведский язык, сравнит перевод с подлинником и не найдет комментарии, которые бы объяснили ему дело».

В финском литературоведении высказывалось предположение, что при написании «Надежды» Рунеберг, через посредство Грота, испытал определенное влияние «Капитанской дочки» Пушкина. Прочитать это произведение Рунеберг к тому времени еще не мог — шведский и немецкий его переводы появились уже после написания «Надежды». Предполагается, что пушкинский роман стал известен Рунебергу в устном пересказе Грота.

Начиная с 70-х годов XIX века, русскую литературу стали переводить в Финляндии также на финский язык. Финский перевод пушкинской «Капитанской дочки» появился в 1876 году, он принадлежал С. Суомалайнену, известному переводчику с русского. Переводы Суомалайнена стали в некотором смысле классическими, они переиздавались даже столетие спустя — не столь частый случай в истории переводческого искусства. В 1970-е годы в переводах С. Суомалайнена были переизданы и «Капитанская дочка», и «Мертвые души» Гоголя.

Интерес к русской литературе в Финляндии заметно нарастал к концу XIX века. Одним из ее знатоков был Арвид Ярнефельт, владевший русским языком (его мать была из семьи известных русских художников Клодтов). Еще в 1886 году А. Ярнефельт опубликовал в одной из финских газет свои «Письма из России» (он учился в Московском университете и совершил поездку в Ярославскую губернию). Ярнефельт описывал в письмах русскую жизнь, ее социальные проблемы, а заключительное письмо было посвящено русской литературе, особенно в связи с отмечавшимся пятидесятилетием со дня гибели Пушкина. Финским читателям Ярнефельт представлял Пушкина как основоположника новой русской литературы, без которого невозможно представить ее дальнейшее развитие. Пушкинское творчество было теснейшим образом связано с его эпохой, однако его влияние выходило далеко за пределы эпохи. Уже в произведениях Пушкина Ярнефельт находил корни того социального направления, которое

затем стало определяющим для творчества многих русских классиков.

Вплоть до настоящего времени в Финляндии чаще издается проза Пушкина, чем его поэзия. Поэзию сложнее переводить, к тому же считается, что у прозы больше читателей. Несколько изданий прозаических произведений Пушкина вышло в 1960—1980-е годы, частично в новых переводах. Отдельные стихотворения включались время от времени в поэтические антологии, но существенных сдвигов в переводе пушкинской поэзии пока все же не наблюдается. Правда, в 1976 году в переводе на финский язык вышел наконец «Евгений Онегин» (переводчик Лаури Кемиляйнен). Заслуживает упоминания и то, что в 1978 году в Финляндии было опубликовано (на русском языке) первое академическое исследование о лирике Пушкина, защищенное вскоре в качестве докторской диссертации. Автор исследования — Эрkki Пеуранен, ныне профессор славистики в университете Ювяскюля. Его исследование посвящено поздней лирике Пушкина (1830-х годов), ее поэтике, темам, мотивам, жанровым особенностям.

Уместно также напомнить, что на финский язык Пушкина переводили и у нас в Советской Карелии. Важным этапом стал юбилей Пушкина в 1937 году. В Карелии впервые была тогда развернута планомерная работа по переводу пушкинского наследия. Переводчиками стихотворений и поэм поэта выступили Ялмари Виртанен, Тату Вятяйнен, Калле Хальме, Армас Эйкия, Эмиль Виртанен. Общение с пушкинской поэзией стало для переводчиков большой школой. Т. Вятяйнен писал по этому поводу: «Невозможно переоценить тот поучительный урок, который я извлек, работая над переводами пушкинских стихов. Глубокое знакомство с богатством

мыслей и поэтикой этого великого мастера, строгой и пленительной красотой его образов, его чувством ритма и гармонии — все это стало для меня настоящим университетом поэзии. Я обрел новый масштаб в оценке искусства».

Тогдашнее карельское издание Пушкина в переводах на финский язык было задумано как четырехтомник, хотя успели выйти только два тома — первый (стихи и часть поэм) и четвертый (проза).

Пушкина продолжают переводить в Карелии и в наше время — Тайсто Сумманен («Сказка о царе Салтане», 1977 г.), Виено Левянен (поэма «Цыганы», 1984 г.; «Моцарт и Сальери», 1986 г.).

Одним из новейших обращений к пушкинскому наследию в Финляндии явился перевод поэтом Матти Росси трагедии «Борис Годунов» (1984 г.). Пушкинская трагедия была специально переведена по заказу хельсинкского Городского театра для ее постановки режиссером Калле Холмбергом. Перевод опубликован вместе с пояснительной статьей переводчика и интервью режиссера в левом журнале «Култтууриурихкот» (1984, № 2). В интервью К. Холмберг упомянул, что его собственный путь к Пушкину был долгим и сложным — через Шекспира и Достоевского, через оперное искусство Мусоргского и Чайковского. К Пушкину он пришел, по его словам, с некоторым обидным «запозданием» — отсюда максималистская форма его заключения: «У нас не знают Пушкина, не знают его поэзии, которую надо переводить заново».

Этот максимализм по-своему отражает выверенную временем истину об удивительной свежести пушкинского гения, к общению с которым стремятся самые разные народы.